

УДК 343.242

**ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Е. Г. Михеенков

**ORGANIZATION OF CONVICTS' LABOUR IN PENITENTIARY INSTITUTIONS
OF WESTERN SIBERIA IN THE ERA OF THE NEW ECONOMIC POLICY**

E. G. Mikheenkova

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области, проект № 14-13-70002.

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов, материалов центральных и местных архивов производится попытка историко-правового анализа правовых основ и практики труда осужденных в пенитенциарных учреждениях на территории Западной Сибири в 1920-х годах. На основе анализа нормативно-правовых актов Главного управления местами заключения НКВД РСФСР показывается роль центральных и местных органов управления в организации производства в пенитенциарных учреждениях на территории Западной Сибири, рассматриваются меры государственной поддержки производства. Приводятся формы и методы исправительно-трудового воздействия на осужденных, освещается стимулирование их трудовой деятельности в условиях НЭПа. Автором производится анализ воспитательно-исправительной роли труда осужденных, рассматривается соотношение воспитательно-исправительной и экономической составляющей труда осужденных, причины неэффективности производства. При этом конечная цель исправления через труд в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири не везде была достигнута. Причиной тому стали: специфика содержащегося спецконтингента (большинство осужденных были выходцами из крестьянской среды, не имевших навыков работы в производственном секторе); безработица и конкуренция на рынке труда; отсутствие материальной заинтересованности у осужденных в результатах труда; подчинение производственного сектора пенитенциарных учреждений задачам хозяйственного развития государства.

The paper bases on the analysis of normative-legal acts of Central and local archives and attempts the historical and legal analysis of the legal framework and practices of convicts' labour in penitentiary institutions of Western Siberia in the 1920s. On the basis of the analysis of normative legal acts of the Head department of the Penal System of NKVD RSFSR the role of the central and local governing bodies in the organization of production in penal institutions in the territory of Western Siberia is shown, measures of the state support of production are considered.

Forms and methods of corrective labour influence on convicts are listed, stimulation of their labour activity in the conditions of the New Economic Policy is provided. The author analyses the educational and corrective role of convicts' labour, the state support of penitentiary production, the ratio of the educational and corrective and economic component of convicts' work, the reasons for inefficiency of production. Thus, the ultimate goal of correction through work in penal institutions of Western Siberia was not achieved everywhere. The reasons for that were: specifics of the convicts' personalities (the majority were villagers and had no skills for work in the production sector); unemployment and competition in the labour market; lack of convicts' material interest in the results of the work; submission of penal institutions' production sector to the problems of economic development of the state.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Западная Сибирь, новая экономическая политика, осужденные, труд.

Keywords: penal system, Western Siberia, new economic policy, convicts, labour.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года, в частности, предполагает «создание условий для трудовой занятости осужденных в зависимости от вида исправительного учреждения, совершенствование производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы и повышение экономической эффективности труда осужденных». В связи с этим обращение к историческому опыту становления и развития труда осужденных в ИТУ на территории Западной Сибири приобретает особую актуальность.

Спецификой рассматриваемого периода является то, что в большинстве городов Западной Сибири Советская власть установилась позже, чем в европейской части страны, – в конце 1919 года и, проведение

новой советской исправительно-трудовой политики стало реальным лишь с начала 1920 года.

Особенностью региона являлось и своего рода «дублирование» пенитенциарных учреждений. Наряду с исправительно-трудовыми домами, домами предварительного заключения, трудовыми домами для несовершеннолетних и сельскохозяйственных колоний, находившихся в подчинении Отдела юстиции Сибирского революционного комитета, с 1920 г. были созданы лагеря принудительных работ, находившиеся в непосредственном подчинении отделов управления местных губисполкомов и напрямую подчинявшиеся Главному управлению принудительных работ (ГУПР) НКВД РСФСР. Впоследствии (в конце 1922 г.) лагеря принудительных работ НКВД в большинстве своем прекратили существование (как не предусмотренные

УК РСФСР 1922 г.). На их базе создавались переходные исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии [25, с. 315]. При этом ГУПР НКВД ликвидировался, а все подведомственные ему учреждения перешли в ведение Главного управления мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР [19, л. 142].

Изменилось отношение к труду, который в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. становится обязательным для всех граждан страны. Осужденные при этом явно не являлись исключением из правил. Как справедливо отмечал В. А. Уткин, «исправительную роль в местах заключения призван был играть преимущественно производительный, оплачиваемый труд, направленный не только на «приучению к труду», но и на приобретение осужденными профессиональных навыков» [27, с. 28].

Одним из первых нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательность труда осужденных в исправительно-трудовых учреждениях, становится Постановление НКЮ от 24 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах». В нем впервые на нормативно-правовом уровне признавалась обязательность труда для осужденных, не превышающего по тяжести труд чернорабочих; устанавливался принцип оплачиваемости труда осужденных; регулировался порядок оплаты труда осужденных (1/3 поступала в общетюремный фонд на улучшение жизни осужденных, а 2/3 зачислялось на счет заключенного и выдавалось ему при освобождении. При этом особо оговаривалась возможность получения 1/10 части заработанных средств заключенным по его просьбе в конце рабочей недели) [23, с. 15].

Устранялись каторжные работы, отсутствовало разделение по сословному признаку, стоимость труда заключенных соотносилась с ценой труда на свободе, тем самым устранялась его репрессивность [1, с. 60].

Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. была утверждена Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбытия такового». В частности, ст. 21 Временной инструкции гласила: «Лишенные свободы, способные к труду, обязательно привлекаются к физическому труду по распределению заведующих местами заключения и принудительными общественными работами». Таким образом, труд признавался обязательным.

Признавалась обязательная оплата труда заключенных «по ставкам профессиональных союзов соответствующих местностей».

Однако устанавливалась ответственность заключенных, нарушающих порядок и дисциплину и не желающих работать без уважительных причин. К ним могли применяться: перевод на более суровый режим (лишение свиданий, переписки и проч.); меры изоляции (одиночное заключение, карцер до 14 дней), в исключительных случаях – перевод в специальные тюрьмы.

За необоснованный отказ от работы в лицевой счет заключенного включались все расходы на его содержание. При этом пока сальдо его счета было не в его пользу, он мог быть оставлен в тюрьме, даже в случае полного отбытия срока заключения по решению суда. Также он мог быть переведен на умень-

шенный продовольственный паек как неработающий. Временной инструкцией предусматривалась возможность направления заключенного в изолятор как не исправимого [23, с. 23 – 24].

Трудно не согласиться с мнением М. Г. Деткова, отмечавшего поверхностный характер Временной инструкции к регулированию порядка отбывания наказания в местах лишения свободы. Инструкция не содержала целей и задач лишения свободы, принципов его исполнения, правового положения осужденных [8, с. 33]. Но Временная инструкция послужила скорее своеобразным ориентиром для практических работников, отвечая на насущные вопросы своего времени, в частности – привлечения заключенных к труду. Тем не менее нам не удалось обнаружить в архивах документов о применении карательных санкций в отношении заключенных в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири, что позволяет судить о нежизнеспособности данной нормы.

Для осужденных устанавливался восьмичасовой рабочий день. Для добросовестно работающих заключенных на основании постановления НКЮ от 4 декабря 1919 г. засчитывались каждые два дня работы за три дня срока отбывания наказания; к ним широко применялось условно-досрочное освобождение. Для работающих заключенных устанавливались улучшенные нормы питания [14, с. 68].

Следующим фактором, влияющим на реализацию исправительно-трудовой политики, становится стремление руководства Наркомюста к самокупаемости мест лишения свободы в РСФСР. Стремление освободить государство от излишних расходов на содержание пенитенциарной системы становилось тормозом в развитии гуманистических начал в деятельности мест лишения свободы, превратилось в самоцель при организации трудового использования осужденных, отмечает М. Г. Детков. Принцип окупаемости содержания заключенных трудом антигуманен, т. к. не учитывает состояние физического и психического состояния заключенного и готовности к выполнению определенного вида работ [8, с. 34, 68].

Однако, на наш взгляд, более справедливой является точка зрения О. Ю. Олейника, считающего, что следует учитывать сложившуюся в стране обстановку по окончании Гражданской войны, в которой администрация мест заключения стремилась использовать все возможные источники поступления доходов и, прежде всего, труд заключенных [16, с. 53].

Значительный шаг вперед по сравнению с ранее действующими нормативно-правовыми актами в части усиления воспитательной роли труда осужденных был закреплен в Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 года. По мнению В. М. Исакова, это выражалось в возможности индивидуализированного использования труда заключенных. Зафиксированная в ст. 116 и 117 Положения установка на «приучение и обучение труду» содержала элемент избирательности вида занятий и предписание администрации «руководствоваться склонностью заключенного к тому или другому роду труда, познаниям, прежним занятиям», общим состоянием здоровья и возможностью применять полученные навыки на свободе. В связи с этим организация мастерских связывалась с

местными условиями и распространением данного вида производства [12, с. 105].

Принятый в 1924 году Исправительно-трудовой кодекс РСФСР сыграл существенную роль в нормативно-правовом регулировании исправительно-трудовой политики Советского государства, в том числе в вопросах регулирования труда осужденных. Он, как и предшествующие нормативно-правовые акты, признавал обязательность труда для всех трудоспособных заключенных. Принципиальным отличием от ранее принятых нормативно-правовых актов являлось то, что признавалось не только воспитательно-исправительное значение труда, а впервые ставилась цель «приучения» заключенных к труду, профессиональное обучение заключенных, что, по справедливому мнению законодателя, должно было дать возможность заключенному по отбытию срока наказания «жить трудовой жизнью» (ст. 51).

ИТК предписывал начальникам мест лишения свободы при назначении осужденного на работы учитывать его образование, квалификацию, предшествующий опыт работы, состояние здоровья (ст. 54 – 55).

Все работы, выполняемые осужденными, должны были оплачиваться в установленном ГУМЗ НКВД с Народным комиссариатом труда порядке (ст. 70). При этом допускалась сдельная и урочная система оплаты (ст. 73).

ИТК 1924 г. впервые вводил возможность зачета двух рабочих дней – за три дня отбывания наказаний, тем самым стремясь к стимулированию трудовой активности осужденных (ст. 52 и п. «в» ст. 199). Однако подобное решение принималось лишь на заседании распределительных комиссий; во-вторых, нормы данных статей применялись, как правило, к осужденным из числа трудящихся; наконец, во внимание принимались дни, в которые труд осужденных был «особо продуктивен», или осужденный занимался получением профессиональных навыков, подтвержденных соответствующей квалификацией.

Анализ документов показывает, что в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири данная норма применялась достаточно активно. Так, распределительной комиссией исправительно-трудового дома № 1 Новосибирска с 1 октября 1925 г. по 20 января 1926 г. было рассмотрено 324 ходатайства, из которых 304 (93,8 %) было удовлетворено и лишь 20 (6,2 %) отклонено [3, л. 38]. Подобная ситуация была свойственна пенитенциарным учреждениям региона. Согласно отчету за второе полугодие 1925 г. прокурора Сибири, распределительными комиссиями было рассмотрено 2152 вопроса о зачете двух рабочих дней за три дня отбывания наказания [26, с. 93]. По большинству из них было вынесено положительное решение.

ИТК РСФСР устанавливал возмещение затрат на содержание заключенных их трудом. При этом воспитательные цели не должны были нивелироваться перед экономическими соображениями. Вместе с тем большинство мест лишения свободы не обладало развитой производственной базой, а следовательно, не могло в должной мере реализовывать принцип само-

окупаемости без ущерба процесса исправления осужденных.

Для развития производства внутри пенитенциарных учреждений были необходимы стартовые и оборотные средства, приобретение инвентаря и оборудования, наконец – закупка сырья для производства. Определенных материальных затрат требовала и организация производства, в том числе оформление технической, эксплуатационной и финансовой документации. Предоставить средства из бюджета Главного управления мест заключения не представлялось возможным, в то время как местные бюджеты, на которые с 1922 г. были переведены места заключения Западной Сибири [32, л. 147 – 148], не выдерживали нагрузки по их обеспечению самыми необходимыми вещами (продовольствием для заключенных, одеждой, обувью, обмундированием надзора и проч.).

Об этом красноречиво свидетельствует составленная в 1922 г. смета доходов и расходов на 1922 – 1923 бюджетный год по местам заключения Томской губернии. Так, по смете доходов Томского исправительно-трудового дома значилось 41250 золотых рублей, тогда как смета расходов за тот же период времени составляла 63807 золотых рублей; по Томскому дому заключения: 40900 и 60588 золотых рублей соответственно; по Мариинскому дому заключения: 18150 и 28993 рубля [24, с. 86 – 87, 92 – 105].

В таких условиях начальникам мест заключения оставалось лишь организовывать мастерские кустарного типа, а также акцентировать внимание на развитии внешних работ. В Томском исправительно-трудовом доме функционировали сапожная, портняжная, переплетная и шорная мастерские, выполнялись различного рода кузнечно-слесарные работы. При Томском доме заключения действовали также ткацкая и пимокатная мастерские. Продолжали работать Еловская и Заварзинская сельскохозяйственные фермы, преобразованные в сельскохозяйственные колонии. Труд осужденных применялся на погрузочно-разгрузочных работах, в составе ассенизационного обоза. Зимой осужденных направляли на расчистку железнодорожных путей от снежных заносов [28, л. 21]. Однако данные работы не могли в полной мере окупить содержание заключенных. К тому же существовавшая безработица вела к тому, что труд осужденных на внешних работах нередко осуществлялся по демпинговым расценкам. Так, начальник Новосибирского исправительно-трудового дома № 1 Иванов докладывал 9 марта 1926 г. на совещании по борьбе с преступностью Окружного административного отдела: «Местные организации не разрешают использовать труд заключенных на внешних работах, во избежание увеличения безработицы» [4, л. 38]. Для исправления ситуации потребовалось вмешательство помощника Краевого прокурора Сибири по Новосибирскому округу Ястребова и соответствующее распоряжение Окрисполкома. Причем подобная ситуация была далеко не единичной для пенитенциарных учреждений региона.

Вполне естественно, что ГУМЗ НКВД РСФСР в этих условиях предпринимал меры государственной поддержки предприятий пенитенциарной системы. При этом следует учитывать, что производственная

база исправительных учреждений была чрезвычайно различна, что зависело как от предшествующего до-революционного этапа развития, так и от внешних факторов. Это географическое положение исправительного учреждения (в губернском городе существовала большая потребность в сравнительно недорогой рабочей силе осужденных); климат (оказывающий влияние на перспективы развития сельского хозяйства); конкурентоспособность производимой исправительными учреждениями продукции; наконец, личные качества руководителей пенитенциарной системы губернии и исправительных учреждений.

Но и меры господдержки были существенны. Циркуляром от 28 ноября 1922 г. от местных налогов освобождались как сельскохозяйственные предприятия системы, так и предприятия, ориентированные на промышленно-производственные цели. Постановлением Народного комиссариата финансов СССР от 26 сентября 1923 г. отменялась уплата промыслового налога для мастерских и промышленных предприятий, в которых работа производилась трудом заключенных [2, с. 135 – 136]. С июня 1925 г. от арендной платы за землю были освобождены сельскохозяйственные производства, обслуживаемые трудом заключенных [18, л. 72].

В том же месяце ГУМЗ НКВД своим циркуляром разъяснял, что доход от сельскохозяйственных работ должен в полном объеме направляться на развитие мест заключения, поддержку рабочих частей, тогда как содержание осужденных финансировалось за счет сметных ассигнований. Полученная прибыль освобождалась от любых налоговых отчислений. При этом колония признавалась самоокупающейся в том случае, если обладала необходимым инвентарем, а после сбора урожая располагала оборотным фондом, который давал ей возможность просуществовать следующий год до нового урожая, а также определенным количеством заключенных, в том числе – общее и сезонное для выполняемых работ [30, л. 133].

Интенсивное развитие сельскохозяйственных колоний объяснимо рядом обстоятельств. Во-первых, большинство осужденных (до 70 % в Сибири) являлись выходцами из крестьянской среды, а следовательно, снималась проблема с укомплектованием кадрами. Во-вторых, организация сельскохозяйственного производства требовала сравнительно меньше затрат, по сравнению с промышленным, особенно с учетом мер государственной поддержки. В-третьих, предшествовавшая пенитенциарная практика убедительно доказала жизнеспособность подобных форм пенитенциарных учреждений.

Во второй половине 1920-х годов в Сибири наметилась тенденция организации сельскохозяйственных колоний при губернских (уездных) местах заключения. При этом сокращались расходы, например, на содержание управленческого аппарата [2, с. 150]. По данным ГУМЗ к концу 1924 г. на учете состояло 38 самостоятельных сельскохозяйственных колоний, 9 отделений и 70 ферм. На территории Западной Сибири сельскохозяйственные колонии действовали в Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях [26, с. 90].

Известную материальную поддержку производству пенитенциарных учреждений должно было оказать и введение депозитных счетов. На основании решения СНК от 12 января 1922 г. Центральным исправительно-трудовым отделом Наркомюста РСФСР на места был разослан циркуляр «О депозитах в местах лишения свободы», а также разработана Инструкция о поступлении и расходовании депозитных сумм мест лишения свободы. Отныне разрешалось заработанные заключенными средства перечислять на специальные счета пенитенциарных учреждений, используя в том числе для расширения производственной базы [34, л. 144 – 145]. При этом Инструкцией впервые разграничивался депозит от доходов производства и депозит от собственных средств заключенных. Доходы от производства подлежали направлению на приобретение материалов и оборудование мастерских; выдачу заработной платы заключенным и на удержание с них в доход казны; оплату усиленного пайка работающих осужденным; выдачу заработной платы вольнонаемному персоналу, руководящему работами, и премиального вознаграждения служащим мест лишения свободы.

Депозит от собственных средств заключенных направлялся на приобретение ими дополнительных продуктов питания и других предметов; мог быть направлен на «передачу денег по желанию ими назначению»; выдавался на руки осужденным при освобождении; направлялся на различного вида удержания (например, за оплату содержания при отказе от работ, порчу или растрату казенного имущества, по приговорам судебных властей) [10, л. 16 – 17].

Постановлением СНК от 6 октября 1922 г. хранение и расходование депозитных сумм мест лишения свободы НКЮ (по работам и собственным средствам заключенных) не ограничивалось во времени. По истечении отчетного года остатки данных средств перечислялись приходной статьей на соответствующий счет последующего года. При этом невостребованные средства осужденных (например, в случае смерти осужденного его приемниками) по истечении года перечислялись в доход казны [17, л. 177 – 178].

Аналогичным образом распределялись полученные денежные средства в последующие годы и в системе учреждений НКВД. Однако, «счет собственных средств заключенных» признавался дополнительной статьей расходов пенитенциарных учреждений. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда от 1 февраля 1925 г., в случае невыплаты денежных средств осужденный имел право подать иск в общем порядке [2, с. 137].

Из «счета по работам» предполагались также расходы в фонд Комитета помощи освобожденным заключенным. Дополнительно из данных средств в доход казны отчислялось 25 % пенитенциарным учреждениями, находящимися на государственном бюджете, и 35 % – на местном [11, с. 76], что вряд ли способствовало повышению производительности труда.

Стремясь к развитию предпринимательской инициативы руководящего состава пенитенциарных учреждений, Циркуляром ГУМЗ с 1 октября 1925 г. вводились в действие Инструкции «По рабочей части мест заключения РСФСР» и «По учету и отчетности

мест заключения РСФСР». Отныне рабочая часть мест заключения представляла собой самостоятельную хозяйственную единицу, работа которой основывалась на принципах хозрасчета. Это позволяло рабочим частям более гибко реагировать на производственные потребности: заключать различного вида договоры, приобретать оборудование и материалы, получать кредиты в государственных и кооперативных учреждениях. Полученная прибыль распределялась следующим образом: 40 % поступало на развитие производства; 15 % – в Комитет помощи освобождаемым; 20 % – в пенитенциарный фонд ГУМЗ; по 12,5 % – на улучшение питания осужденных и выплату премиального вознаграждения сотрудникам [29, л. 188 – 189].

Одной из первых попыток централизации производственного сектора пенитенциарных учреждений следует назвать образование при ГУМЗ НКВД РСФСР особого производственно-хозяйственного объединения «Куст-ГУМЗ», обладавшего полной хозяйственной самостоятельностью. Его целью являлось «руководство в находящиеся в его ведение предприятиями при местах заключения, обслуживающихся трудом заключенных». При этом особо оговаривался вопрос о возможности привлечения за дополнительное вознаграждение (с разрешения ГУМЗ НКВД) к работе в качестве уполномоченных «Куст-ГУМЗа» начальников и других служащих мест заключения [20, л. 180 – 181]. В целях расширения производственного потенциала пенитенциарных учреждений с ноября 1922 г. в ведение ГУМЗ НКВД РСФСР были переданы подсобные предприятия Центроэвакуака [21, л. 25].

Однако данная попытка централизации оказалась несвоевременной. В условиях преодоления последствий Гражданской войны, восстановления народного хозяйства ГУМЗ не мог предложить пенитенциарным учреждениям государственных заказов на изготовление конкретного вида продукции. Разнились и условия производства: от кустарных мастерских до промышленных предприятий. Поэтому руководством НКВД РСФСР было принято решение сделать акцент на развитие в пенитенциарных учреждениях децентрализованных производств, функционирующих с учетом местных условий и потребностей внутреннего рынка региона [22, л. 22].

Результаты не заставили себя ждать. В условиях НЭПа получает свое развитие такая форма организации производства, как аренда предприятий, выпускаемая продукция которых была востребована на местном рынке. Так, в 1922 г. Томскому исправительно-трудовому дому был сдан в аренду кожевенный завод, а имеющиеся мастерские по выделке кож позволяли создать своеобразный «замкнутый цикл» производства: от выделки кож до пошива изделий.

Выбор вектора развития данного производства был выбран не случайно. «Кожевенная промышленность Сибири имеет большую роль в отношении военного снабжения, – отмечалось в обзоре промышленности Сибири. – Из имеющихся кожевенных заводов 70 % запущено в ход и работают.

Значительно хуже обстоит вопрос о выработке кожевенных изделий. Сибирь не в состоянии за отсут-

ствием рабочих рук и механических фабрик, хоть в малой степени удовлетворить нужду в кожевенных изделиях. Необходимо, всеми мерами, усилить производительность работающих предприятий по выделке кожевенных изделий, чтобы хот отчасти удовлетворить жгучие потребности» [9, с. 11 – 12].

В целом места заключения внесли определенную лепту в развитие кожевенной промышленности Сибири. Помимо кожевенного завода в Томске, в 1922 – 1923 гг. при местах заключения были созданы 2 кожевенных завода в Иркутске [14, с. 73], а также в Красноярске. В последний для повышения эффективности труда осужденных было приглашено восемь вольнонаемных специалистов. Таким образом, кожевенный завод при местзаке является в сущности частным коммерческим предприятием, – отмечала газета «Красноярский рабочий» [15].

Помимо предприятий, взятых в аренду, при местах заключения создавались и собственные производства. Согласно данным Сибирского карательного отдела, к концу 1921 года в местах лишения свободы Омской губернии функционировало 11 сапожных, 19 слесарных, 9 кузнечных, 1 столярная, 2 гончарных, 8 плотницких, 4 бондажных, 3 колесных, 2 шорных, 6 пимокатных, 4 племенных животных мастерских, 1 мастерская валяния и действующей при Омском доме лишения свободы мыловаренный завод [5, л. 67]. В последующие годы в местах лишения свободы Омской губернии были открыты типография и электростанция [14, с. 73]. При Томском доме заключения в 1922 г. была создана химическая лаборатория, снабжавшая канцелярскими принадлежностями практически все государственные учреждения губернии [6, л. 8]. Таким образом, пенитенциарные учреждения на территории Западной Сибири постепенно превращались в комбинированные хозяйства, состоящие как из производства внутри, сельскохозяйственных колоний, так и арендованных предприятий.

В целом по РСФСР усилиями ГУМЗ НКВД и администрации мест заключения удалось создать 1291 мастерских кустарного типа с самым разнообразным производством, из которых 113 приближалось к фабрично-заводским предприятиям. При этом доля занятых на собственном производстве осужденных увеличилась с 16,9 % в 1923 г. до 22,9 % в 1924 г. [13, с. 37].

Примечательно, что вопросы привлечения осужденных к труду, повышение его производительности, создание новых производств постоянно находились в центре внимания центральных органов управления. Анализ протоколов заседаний коллегии НКВД РСФСР за 1923 год позволяет отметить, что лишь на двух заседаниях эти вопросы не рассматривались. Примечательна резолюция, принятая коллегией НКВД РСФСР 16 марта 1925 г. по докладу начальника ГУМЗ Е. Г. Ширвиндта, предусматривающая проработку вопроса о возможном кредитовании рабочих частей в целях развития производства, а также закрепления за местами заключения заводов и фабрик строительной промышленности [7, л. 74 – 75].

На наш взгляд, опыт аренды небольших производств в эпоху НЭПа возможно было бы сегодня распространить как на формирующиеся исправительные

центры, так и на колонии-поселения, что способствовало бы трудовой занятости осужденных, приобретения ими профессиональных навыков, наконец – пополнению бюджета УИС.

Помимо внешних, промышленных и сельскохозяйственных работ в пенитенциарных учреждениях существовали и внутренние работы, направленные на удовлетворение нужд самого исправительного учреждения. К бесплатным работам относились: мытье полов, стирка белья, мелкий ремонт, заготовка дров и проч., т. е. те, которые были направлены на обеспечение жизнедеятельности учреждения. Отметим, что в большинстве исправительных учреждений данный вид работ существует и в настоящее время.

Платные работы подразделялись на две группы: работа на низовых должностях административного аппарата (конторщики, писари, счетоводы, работа в учебно-воспитательной части) и хозяйственные платные работы (банщики, ламповщики, хлебопеки, повара в столовой и проч.). В общей сложности внутренние работы составляли в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири до 50 – 60 %, в зависимости от развития производственной либо сельскохозяйственной сферы деятельности.

Вместе с тем отсутствие материальной заинтересованности осужденных в результатах своего труда негативно сказывались на его эффективности. Так, согласно установленным тарифам, за пошив вещевого довольствия для осужденных последние получали от 0,3 коп. до 51 коп. за одну изготовленную вещь. При этом до 50 % заработанных средств удерживалось в счет амортизации оборудования. Еще меньше получали осужденные, задействованные на внутренних оплачиваемых работах: в 0,02 коп. с одного осужденного оценивался труд кубовщика по приготовлению кипятка, до 20 коп. – с одного пуда постиранного белья [33, л. 105 – 106]. Увеличение тарифов в середине 1920-х годов не являлось кардинальным для осужденных [31, л. 26 – 30] и, прежде всего, из-за многочисленных удержаний.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**.

1. В эпоху НЭПа труд осужденных признается одним из главных элементов ресоциализации осужденного. Он перестает применяться как кара; вводится обязательность оплаты труда; трудовые успехи осужденных объективно способствовали возможности предоставления им условно-досрочного освобождения, отпусков, наличию дополнительных преференций, смягчающих условия отбывания наказания. Получаемые осужденными профессиональные навыки должны были способствовать их последующей ресоциализации, препятствуя совершению новых преступлений.

2. Создание производственного сектора пенитенциарной системы стало результатом объединенных усилий Главного управления мест заключения и ру-

ководства пенитенциарными учреждениями на местах. При этом следует учитывать существенную поддержку со стороны государства, без которой данный процесс попросту был невозможен.

3. Вместе с тем, справедливости ради, необходимо сказать, что конечная цель исправления осужденных через труд в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири далеко не везде была достигнута. Причин этому несколько.

Во-первых, это объяснимо спецификой спецконтингента. Подавляющее большинство осужденных являлось выходцами из крестьянской среды, не имевшими необходимого образования и трудовых навыков для труда на промышленном производстве, что негативно сказывалось на качестве и количестве производимой продукции. На наш взгляд, именно этим объясним тот факт, что большинство осужденных использовались на внутренних и внешних неквалифицированных работах, что явно не способствовало получению ими необходимых трудовых навыков. Определенное негативное влияние оказывала и «текучесть» осужденных, связанная с проводимыми амнистиями, условно-досрочными освобождениями и проч.

Во-вторых, значительное влияние на эффективность производства оказывали неблагоприятные экономические факторы: безработица, влекущая за собой конкуренцию на рынке труда.

В-третьих, пенитенциарное производство не могло эффективно конкурировать с кооперативным и государственным сектором экономики. Отсутствие необходимых площадей, должного финансирования, квалифицированных кадров не позволяло расширить имеющиеся производственные мощности. Аренда предприятий, хотя и была эффективной в Сибири, но не носила массового характера. Вместе с тем отдельные пенитенциарные учреждения добились значительных успехов в организации производства.

В-четвертых, не последнюю роль в эффективности труда играло практически полное отсутствие материальной заинтересованности осужденных в результатах своего труда.

В-пятых, со второй половины 1920-х годов, несмотря на провозглашение воспитательной роли труда в действующих нормативно-правовых актах, экономические факторы производственной деятельности пенитенциарных учреждений становятся доминирующими. Особенно ощутимым это становится с включением предприятий пенитенциарной системы в народнохозяйственные планы в годы пятилеток. Труд осужденных все больше интегрировался в общую экономику страны, что приводило к подчинению как труда, так и производственного сектора задачам хозяйственного развития государства, нередко в противоречии с воспитательно-исправительными аспектами воздействия труда на личность преступника.

Литература

1. Бомбергер И. И. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики 1921 – 1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кропоткин, 2009. 207 с.
2. Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.: монография. Омск: Омская Академия МВД России, 2011. 180 с.

3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р. 1978. Оп. 1. Д. 36.
4. ГАНО Ф.Р. 1978. Оп. 1. Д. 26.
5. ГАНО. Ф.467. Оп. 1. Д. 94.
6. ГАНО. Ф.467. Оп. 1. Д. 106.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 23.
8. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917 – 1930-х годов: монография. М.: РИПК работников ОВД МВД РФ, 1992. 206 с.
9. Жизнь Красной Сибири (Новониколаевск). 1920. № 1.
10. Инструкция о поступлении и расходовании депозитных сумм мест лишения свободы Наркомюста (утверждена 15 мая 1922 г. по согласованию с Народным комиссариатом финансов и Рабоче-крестьянской инспекции) // ГАРФ. Ф.А-353. Оп. 5. Д. 332.
11. Инструкция о поступлении и расходовании заработанных сумм и собственных денег заключенных в местах заключения РСФСР (Утверждена Народным Комиссариатом внутренних дел и Народным Комиссариатом финансов РСФСР 1 ноября 1923 г.) // Бюллетень НКВД. 1923. 19 ноября. № 27.
12. Исаков В. М. Правовое регулирование и организация трудовой деятельности осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917 – 1990 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 308 с.
13. Кузьмин С. И. Аналитический обзор деятельности мест заключения РСФСР в период с 1917 по 1930 годы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11. С. 31 – 39.
14. Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917 – 1924 гг.): учебное пособие. Омск, 1980. 120 с.
15. Красноярский рабочий. 1923. 30 июня.
16. Олейник О. Ю. Организационно-правовые основы функционирования учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в системе Наркомата юстиции РСФСР: монография. Кострома: Костромской печатный дом, 2009. 232 с.
17. Постановление СНК от 6 октября 1922 г. «Об изъятиях в декрете Совнаркома от 28 октября 1920 года об изменениях ст. 3 сметных правил 24 мая 1919 года в отношении депозитов мест лишения свободы Наркомюста» // ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 441.
18. Постановление СНК РСФСР от 2 июня 1925 г. «О предоставлении льгот по аренде земельных участков для сельскохозяйственных предприятий, организуемых местами заключения» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 21.
19. Приказ ГУМЗ НКВД РСФСР от 13 ноября 1922 г. № 140 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 8.
20. Приказ ГУМЗ НКВД РСФСР от 29 декабря 1922 г. № 174/г // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 8.
21. Приказ НКВД РСФСР от 24 ноября 1922 г. № 162 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 10.
22. Решение коллегии НКВД РСФСР от 16 марта 1925 г. // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 23.
23. Сборник нормативных актов по Советскому исправительно-трудовому праву (1917 – 1959). История законодательства / сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. 348 с.
24. Сметы местных доходов и расходов по Томской губернии: губернских, городских и уездных на 1922 – 1923 бюджетный год. Томск, 1922. 211 с.
25. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М.: Норма, 2005. 720 с.
26. Уйманов В. Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920 – 1941 гг.): монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 328 с.
27. Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 189 с.
28. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 26 января 1923 г. № 20 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 14.
29. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 22 сентября 1925 г. № 505 «О введении в действие с 1 октября 1925 г. инструкций: а) По рабочей части и б) по учету и отчетности по работам в местах заключения РСФСР» // ГАРФ, Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 26.
30. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 29 июня 1925 г. № 360 «О хозрасчете в сельскохозяйственных местах заключения и о самокупаемости сельскохозяйственных колоний» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 26.
31. Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 25 ноября 1925 г. № 444 «Об установлении норм и порядка регулирования вознаграждения заключенным за работы»; Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 16 июля 1926 г. № 155. «О нормах и порядке вознаграждения заключенным на хозяйственные работы»; Циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 16 апреля 1927 г. № 154. «О нормах и порядке вознаграждения за работу заключенным, не имеющим квалификации в исполняемой ими работе» // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 55.
32. Циркуляр Наркомюста РСФСР от 22 июня 1922 г. № 52 «Об отнесении на местные средства содержания судебных и исправительных учреждений» // ГАРФ. Ф.А-353. Оп. 4. Д. 441.
33. Циркуляр подотдела работ ЦИТО НКЮ РСФСР от 8 марта 1922 г. № 15 // ГАРФ. Ф.Р. 4042. Оп. 1. Д. 4.
34. Циркуляр ЦИТО НКЮ РСФСР от 10 июня 1922 г. «О депозитах в местах лишения свободы НКЮ» // ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 441.

Информация об авторе:

Михеенков Егор Геннадьевич – магистр юриспруденции, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник ФКОУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы, MEGASV74@mail.ru.

Egor G. Mikheenkov – Master of Law, Candidate of History, Associate Professor, Research Associate at the the Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Colonel of Internal Service.

Статья поступила в редколлегию 08.10.2014 г.